

Как-то ночью пришел первый заморозок. Он надышал холдом на стекла в доме, и они запотели, посыпал зернистым инеем крыши, захрустел под ногами. Одни только звёзды как будто обрадовались первому морозу и сверкали гораздо ярче, чем в тёплые летние ночи. В эту ночь я проснулся от протяжного и приятного звука – пастущий рожок пел в темноте. За окнами едва заметно голубела заря.

Я оделся и вышел в сад. Резкий воздух обмыл лицо холодной водой – сон сразу прошёл. Разгорался рассвет. Синева на востоке сменилась багровой мглой, похожей на дым пожара. Мгла эта светлела, делалась прозрачнее, сквозь нее уже были видны далёкие и нежные страны золотых и розовых облаков.

Ветра не было, но в саду все падали и падали листья. Берёзы за одну эту ночь пожелтели до самых верхушек, и листья осипались с них частым и печальным дождем.

Я вернулся в комнаты: в них было тепло, сонно. В бледном свете зари стояла в кадке маленькая берёза, и я вдруг заметил – почти вся она за эту ночь пожелтела, и несколько лимонных листьев уже лежало на полу.

Комната теплота не спасла березу. Через день она облетела вся, как будто не хотела отставать от своих взрослых подруг, осипавшихся в холодных лесах, рощах, на сырых по осени просторных полянах.

К. Паустовский